...22 июня 1941 года. Пионерский лагерь под Минском, где я проводил свои каникулы. Воскресенье. Родительский день. Последняя встреча с мамой. Она привезла мне гостинцы. Очень взволнованна, суетлива, поглощена мыслями. Она уже знала о войне, но не хотела мне об этом говорить. Разрывалась между мной и сестрой, которая должна была поступать в институт. Но я был как бы под присмотром, а сестра дома одна (папа был в отпуске, в Кисловодске). И мама уезжает, взяв с меня слово, что я буду послушным и не буду грустить. А вечером по лагерю разнесся слух, что началась война. Ночью не спим. Зарево. Бомбят Минск. Через два дня начальник лагеря на линейке объявляет нам, что Минск захвачен немцами, что он не может рисковать нашими жизнями и поэтому принял решение эвакуировать нас, девчонок и мальчишек, в глубь России.

И в ночь мы двинулись в путь, спасаясь от наступающих фашистов. У каждого за плечами вещмешок с сухим пайком и одеяло в виде солдатской скатки. Шли тяжело и долго. Пешком до Смоленска, это около 400 километров. Затем эшелон и... дальше на восток.

Впоследствии мне рассказывали, что мама прибегала в лагерь, но, узнав, что нас эвакуировали, снова вернулась в Минск. Сестра была актив-

---

* Из книги А. Палееса «Роман с театром». Изд. «Деком», Нижний Новгород, 2000 год. Публикуется фрагмент статьи «Попытка автобиографии». Название настоящей публикации – «Вертикаль. XXI век» (Ред.).

ной комсомолкой, она убеждала маму, что надо бороться, надо помогать партизанам... Они обе были расстреляны немцами в минском гетто. А папа прямо с курорта ушёл на фронт и остался жив, хотя и был ранен. О судьбе мамы и сестры мы узнали уже после войны, когда приехали в Минск – искать их могилы... Не нашли. Но вернусь к своему рассказу.

Саратовская область, поселок Аркадак (ведь помню, а прошло столько лет) – это новое наше местожительство. Здесь жили немцы Поволжья, с началом войны их куда-то выселили, и мы стали его новыми хозяевами.

Лагерь наш преобразовали в детский дом. Теперь мы детдомовцы. Полностью на самообслуживании. Девчонки – повара, прачки, уборщицы, мы, мальчишки, – сельхозрабочие, возчики, электрики, истопники и так далее. Жили дружно, одной семьей. Нашего любимого начальника лагеря, нашего спасителя, и нескольких мужчин, некогда составлявших штат пионерлагеря, мобилизовали и отправили на фронт. Мы остались одни. Совсем молоденькие девушки, бывшие вожатые, стали нашими руководителями, воспитателями и учителями.

Но через какое-то время мой папа, отвоевав, после госпиталя каким-то чудом разыскал меня и отвёз в Новосибирск, куда был назначен на одно из предприятий. И вот я в Сибири, где суждено было мне провести отрочество. Здесь судьба даровала мне встречу с ТЕАТРОМ и возможность обрести дар любви, любви на всю жизнь – к нему.

Во время войны Новосибирск стал крупным культурным центром, сюда были эвакуированы учреждения культуры блокадного Ленинграда, в том числе драматический Пушкинский театр, Новый ТЮЗ во главе с Зоном, Ленинградский симфонический оркестр с легендарным дирижёром Евгением Мравинским. Наряду с местным драматическим театром «Красный факел» и ТЮЗом они радовали местных театралов своим высоким искусством.

И надо было так случиться, что в школе я подружился с одноклассником Феликсом Файнштейном, мама которого была актрисой, а Феликс стал моим проводником в мир театра. И хотя нам было по четырнадцать лет, мы пересмотрели, пожалуй, все спектакли всех театров, часто бывали на различных концертах, а самое главное, Феликс привёл меня в драматический коллектив Дома художественного воспитания детей. Здесь-то, познав азы мастерства актёра, впервые выйдя на сцену, почувствовав великое счастье общения со зрителем, я понял, что театр – это моё призвание, моя жизнь, хотя наша семья не была театральной (отец – инженер-технолог пищевой промышленности, мама – бухгалтер).

Наш драмкружок возглавляла Тамара Евгеньевна Таратинова, удивительная женщина, в прошлом драматическая актриса, самозабвенно влюблённая в театр. Как она любила и уважала своих кружковцев, как терпеливо возилась с нами, как она сумела каждому привить не влюблённость, а настоящую большую любовь к театру. Насколько мне известно, все её воспитанники в той или иной степени связали свою жизнь с театром. Среди них и режиссёры, и артисты, и театроведы, и руководители театров, и художники. И каждый из нас до конца дней своих будет помнить нашу крёстную маму – Тамару Евгеньевну Таратинову.

Под её руководством мы ставили спектакли – довольно сложные, со всеми компонентами настоящего театра: свет, музыка, декорации, костюмы. Всё делали сами кружковцы. Я даже помню несколько ролей, которые сыграл в этом замечательном коллективе. Дмитрий-царевич в какой-то сказке, Кай в «Снежной королеве» и, наконец, Фамусов в «Горе от ума». Вот на таком драматургическом материале воспитывались наши кружковцы.

1947 год. Я заканчиваю школу. Тамара Евгеньевна настаивает, чтобы я поступал в театральное учебное заведение, и готовит со мной целую программу для вступительных экзаменов. Рекомендует московский ГИТИС.

И опять вмешалась судьба. Папу направляют в Горький руководить реконструкцией Сормовской кондитерской фабрики, где он впослед-

ствии работал главным инженером до конца жизни. Летом мы приехали в город, с которым я связал всю свою жизнь, которому суждено было стать моей второй родиной.

Город Горький буквально потряс меня своей красотой, неповторимостью. Я бродил по волжскому Откосу, по улицам купеческого Нижнего, любовался удивительным зданием банка и особенно восхитился красивейшим и уютнейшим зданием драматического театра. На улицах города моё внимание привлекли два объявления. В одном из них сообщалось, что Горьковское театральное училище объявляет набор студентов, а другое оповещало о том, что студия при драматическом театре проводит конкурсные экзамены для будущих студийцев. Вечером в первый день приезда в Горький я уже был на спектакле в театре драмы, где давали один из премьерных спектаклей – «Молодая гвардия». Великолепная работа театра с блистательными актёрскими откровениями в основном совсем молодых артистов, недавних выпускников студии. До сих пор в памяти Гера Двойникова, Галя Дёмина, Эдуард Палигин, Василий Рубцов, Галя Лунина, Эра Суслова. В последние дни я посмотрел ещё несколько спектаклей и был приятно удивлён, что театр на центральные роли смело назначает молодежь. А желание как можно быстрее выйти на профессиональную сцену у меня было колоссальное, и поэтому я принял решение подать документы в театральную студию.

Руководил студией и набирал курс опытнейший педагог, ведущий артист театра Николай Александрович Левкоев. Весьма придирчиво и в то же время с предельным вниманием он относился к каждому участнику конкурса.

Нужно было набрать на курс 14 учащихся, а желающих поступить было гораздо больше, особенно девушек – 20 человек на место. Естественно, все очень волновались, что затрудняло задачу приёмной комиссии справедливо оценить способности каждого из нас. Но наконец-то после десяти дней изнурительных экзаменов были вывешены списки принятых на первый курс.

К моей великой радости, в числе счастливцев оказался и я. И первого сентября мы стали не только учащимися студии, но и артистами вспомогательного состава театра, так как студия содержалась театром. Режим работы у нас был чрезвычайно напряжённым: с утра до трёх дня мы занимались в аудитории и репетиционном зале, а вечерами были заняты в массовых сценах спектаклей театра.

Вот здесь-то я впервые вышел на сцену уже не самодеятельного, а самого что ни на есть «настоящего» театра… пускай в массовках, в лучшем случае в крохотных эпизодических ролях, однако рядом с великолепными артистами, вместе с которыми мы создавали спектакль.

Но к концу первого курса грянула очередная театральная реформа, государство лишило театры дотации, прошли массовые сокращения, и в первую очередь это коснулось артистов так называемого вспомогательного состава. Мы были уволены, и в результате студия при театре драмы была закрыта.

Настроение ужасное… Мы все оказались не у дел. И вот спасительное решение – студия в полном составе вливается в число студентов театрального училища, на второй курс, где мы и продолжили обучение. Даже не обучение… Здесь мы формировались как «человеки», как личности. И если из нас что-то получилось, то это в первую очередь благодаря атмосфере дружбы, добра, благожелательности, которая царила в училище.

Мы буквально дневали и ночевали там. Сами строили декорации, шили костюмы и, главное, репетировали, репетировали… Наше дорогое училище стало поистине родным домом. Тут мы учились, трудились, влюблялись – жили единой семьей. И до сегодняшнего дня те, кто остался жив из числа того первого послевоенного выпуска, когда встречаемся, по-прежнему чувствуем себя родными, близкими людьми.

А какие ребята были у нас на курсе! Имена многих из них заняли достойное место в истории советского русского театра. Вот некоторые из них: Евгений Евстигнеев, Михаил Зимин, Борис Гусев, Михаил Мараш – их уже нет среди нас, вечная им память. Владимир Вихров, Народный артист России, – директор академического театра драмы им. Горького, а рядом с ним работает, теперь уже главным режиссёром этого же театра, Народный артист России Леонид Белявский. А Нина Славинская, а Людмила Хитяева, да и многие, многие другие...

Простите, ребята, что всех не назвал, но всех, всех помню, люблю и до конца жизни моей вы со мной.

А какие блистательные учителя были в те годы в училище, воистину энтузиасты, которые не только вели свой предмет, но по крупицам формировали из нас личности, воспитывали будущих артистов.

Как не вспомнить Виталия Александровича Лебского, в то время директора училища, который всю свою жизнь без остатка отдал нам и вместе с нами дневал и ночевал в училище, сделал его и для нас, и для себя своим домом! А разве можно забыть Георгия Аполлинарьевича Яворовского! Он читал нам лекции по истории театра. Удивительный был человек, отличавшийся огромной эрудицией, влюбленный в театр, обладающий редкими для тех времён изысканными манерами интеллигентного человека. А Лидия Ивановна Гостева, педагог по танцу, – это про неё говорили, что она и медведя научит танцевать. И учила! Все мы в своё время очень даже неплохо могли танцевать, особенно на сцене.

Юлий Иосифович Волчек читал у нас лекции по основам марксизма. Но, ей-богу, меньше всего он вдалбливал в наши молодые головы эти самые «основы», а будучи блестящим искусствоведом, театральным критиком, пытался сформировать наши эстетические познания, наши взгляды на современный мир и современный театр.

В начале третьего курса я получил неожиданное для себя предложение. Одним из педагогов по мастерству актёра на нашем курсе был главный режиссёр ТЮЗа Виктор Львович Витальев. И вот однажды, оставив меня после занятий, он повёл разговор о своём театре, его значимости, пытался выяснить моё отношение к ТЮЗу. Честно говоря, в то время мы не очень-то знали этот театр, редко туда ходили, а в основном предметом нашего поклонения, конечно же, был процветавший тогда театр драмы. Я в этом честно признался Виктору Львовичу. Он как будто не обиделся и предложил всё же познакомиться со спектаклями своего театра.

Я посмотрел некоторые спектакли, они мне, в общем-то, понравились, о чём я и сказал Витальеву. И он вновь завёл со мной разговор, который в какой-то степени стал для меня судьбоносным.

Смысл этого разговора состоял в том, что по моим внешним и внутренним данным я очень подхожу именно для детского театра, что только там я смогу по-настоящему проявить себя.

Через некоторое время последовало официальное предложение принять участие в спектакле ТЮЗа «Клуб знаменитых капитанов», где я был назначен на роль Дика Сэнда, пятнадцатилетнего капитана. И вот этому спектаклю, этой роли суждено было стать началом моего полувекового служения Горьковскому – Нижегородскому театру юного зрителя. Театр поистине стал моим домом, моей жизнью. Единственным для меня театром.